

ЕДИНСТВО В РАЗНООБРАЗИИ

UNITY IN DIVERSITY

Юлия Тарабарина

Julia Tarabarina

В начале 1990-х Сергей Киселев вместе с партнерами создал частную архитектурную компанию, одну из первых в Москве. Она быстро разрослась и стала известной: редкие рейтинг, премия, архитектурный или риелторский журнал обходились без работ СКИП. Пережили два экономических кризиса и сделали, за 20 лет существования бюро, около 400 проектов.

Потом Сергей Киселев умер. Эта внезапная, оглушившая всех смерть (9 мая 2010 года) стала, безусловно, водоразделом – компания не зря носила имя Киселева, который, по его собственным словам, «принимал окончательное архитектурное решение». Но не зря Сергей Киселев всегда (и очень настойчиво) требовал писать слово «Партнеры» в названии СКИП с большой буквы – компания сохранилась и продолжает успешно работать под руководством Игоря Шварцмана. Достраивается большой офисный комплекс на Павелецкой, трансформируется проект «Миракс-плаза», появляются новые проекты. Это выглядит закономерным: компания получилась надежной, устойчивой. Теперь уже уверенно можно сказать, что она оказалась способна сохранить прежний состав, структуру и следовать тем же принципам.

Принципы СКИП хорошо известны всем, кто интересуется современной российской архитектурой: слова Сергея Киселева «уместность и умелость», смягченный русифицированный вариант контекстуализма, рационализма, профессионализма хорошо отражают суть. Вообще СКИП – это архитекторы, которые умеют внятно себя описывать, во всяком случае, проговаривать главное. Свойство, полезное для общения с заказчиком, но как следствие про них сложно писать, потому что нечего добавить – все как на ладони, определено, понятно.

Как правило, «про стиль» архитекторы говорить не любят, и это тоже один из фирменных принципов. Иногда СКИП даже обвиняют в отсутствии цельности: много архитекторов, много почерков. Между тем это не совсем верно. Единство не стилевое, но образное. Какая общая подоснова в работах СКИП угадывается, попробуем определить словами.

Перестройка и предыстория

Одна из особенностей СКИП – детальное знание своей собственной истории. Это качество в данном случае воспринимается как часть имиджа – дотошность и последовательность: если надо рассказать о компании, начинаем с начала и не скрываем особенно ничего. С другой стороны, это похоже на рисование родословного древа: 'since 1987' – предыстория, с 1991 – история. Древо плотно вырастает в

In the early 1990s Sergey Kisselev and his partners established the Moscow's first private architectural company. It was growing quickly and became famous: practically all ratings, awards, architectural or realtor journals involved SK&P works. The Company survived two economic crises and for two decades its architects developed about 400 projects.

And then there was the death of Sergey Kisselev. This unexpected and shocking death on May 09, 2010 was like a dividing line. But not for nothing the Company bore the name of Kisselev who, as he himself put it, "took the final architectural solutions" and not for nothing Sergey Kisselev always and persistently asked to write the word "Partners" in SK&P with capital letter. The Company has survived and continues to perform successfully under the leadership of Igor Shvartsman. Construction of the large office complex on Paveletskaya is nearing completion, the Mirax Plaza

Project is being transformed, and some new projects appear. And this is quite logical: the Company was always reliable and steadfast. Now it can be said with confidence that it managed to keep its staff, structure and follow the same principles.

The SK&P principles are well-known to all who are interested in modern Russian architecture: such words of Sergey Kisselev as "relevance and efficiency", softened Russified option of contextualism, rationalism, professionalism describe well the main idea. In general, SK&P means the architects who are capable to express themselves intelligibly, at least to speak about the main things. This is very useful in contacts with customers.

историю русской архитектуры, переплетается с ней и дает победы: бюро Сергея Скуратова, Вячеслава Богачкина, Николая Белоусова, Константина Ходнева...

Все начинается с жанра интервью, когда-то любимого Сергеем Киселевым: родился во Львове, учился в МАрХИ у Юрия Платонова, работал у него же в ГИПРОНИИ Академии наук СССР (там познакомился с Игорем Шварцманом). В 1988 году, уволившись из ГИПРОНИИ, перешел в кооператив «Контур», став одним из его основателей. Как вспоминал Сергей Киселев, из этого кооператива, который занимался всем, от производства полиэтиленовых пакетов до программного обеспечения и строительства, вышли многие очень успешные и солидные бизнесмены.

Главным заказчиком архитектурного бюро кооператива «Контур» стала компания «Бурда моден», присутствие которой в СССР курировала Раиса Горбачева. Над первым, московским офисом в 1987 году начали работать Сергей Киселев, Сергей Попов и Ирина Долинская, едва справившись в короткие сроки с реконструкцией интерьера исторического здания пассажа Попова на Пушечной улице. Интерьер понравился, и бюро получило заказ на шестнадцать офисов «Бурда моден» в разных городах. Часть из них была реализована, но впоследствии по разным причинам ни один из этих, исторических для бюро интерьеров в полной мере не сохранился.

Американский опыт

В 1987 году в США отправилась первая после 1935 года делегация советских архитекторов, в составе которой Сергей Киселев оказался благодаря Юрию Платонову. Принимающая организация называлась «Архитекторы, дизайнеры, планировщики за социальную ответственность», ее вице-президентом был в то время Сидни Гилберт, американский архитектор далеко не «звездного» круга, но впечатливший Сергея Киселева качеством организации работы в его бюро. Знакомство переросло в переписку, в 1991 году – в «обмен делегациями».

But, on the other hand, it is not easy to write about them as there is nothing to add – everything is plainly visible, definite and understandable.

The architects usually loathes to speak “about the style”, and this is also one of their key principles. At times SK&P is accused of the absence of integrity: many architects, many manners. But this is not entirely true. The unity – not in style, but in images. Let us try to present verbally the general background discernible in the works of SK&P.

Perestroika and prehistory

One thing that distinguishes SK&P is the detailed knowledge of its own history. Such quality in this case is perceived as a part of image – thoroughness and consistency: if we are speaking about the company we start from the very beginning and do not conceal anything. On the other hand, this is similar to drawing a genealogical tree: “since 1987” – prehistory, “since 1991” – history. And this tree is deeply rooted in the history of Russian architecture, intertwines with it and gives sprouts: Bureaus of Sergey Skuratov, Vyacheslav Bogachkin, Nikolay Belousov, Konstantin Khodnev...

Everything begins with interview, once so loved by Sergey Kisselev: he was born in Lvov, studied in Moscow Institute of Architecture under Yuri Platonov, worked under his guidance in GIPRONII of the USSR Academy of Sciences (there he got acquainted with Igor Shvartsman). In 1988 he left GIPRONII and came to work to Cooperative “Contur” having become one of its founders. As Sergey Kisselev later recollected, this cooperative that did everything – from production of polyethylene bags to software and construction – brought up many successful and respectable businessmen.

The most serious customer of the architectural bureau of Cooperative “Contur” was “Burda Moden” that was present in the USSR thanks to Raisa Gorbacheva. In 1987 Sergey Kisselev, Sergey Popov and Irina Dolinskaya started reconstruction of the interior of the historical building of Popov’s shopping arcade in the Pushechnaya Street where the first Moscow office of this journal was placed, and they accomplished this project in the shortest time possible. The customers liked the interiors they saw and the bureau received an order on making sixteen offices of “Burda Moden” in different cities. Some of them were realized, but later on, for different reasons, none of these (historical for the bureau) interiors were preserved.

US experience

In 1987 the first, after 1935, delegation of Soviet architects went to the USA and Sergey Kisselev was one its members thanks to Yuri Platonov.

They were received by organization “Architects, Designers, Planners for Social Responsibility”. That time its Vice-President was Sydney Gilbert, American architect far from the “star” circle, but who impressed Sergey Kisselev by organization of work of his bureau. Their acquaintance was followed by correspondence and in 1991 – by exchange of delegations.

«В Нью-Йорке мы рассказывали Сидни о мессианской роли архитектора, а он выслушивал это молча с вежливой улыбкой, – вспоминал позднее Сергей Киселев. – Мы действительно видели и в его, и в других мастерских, что архитектура это способ зарабатывания денег, а хорошая архитектура – больших денег... Так или иначе, по возвращении в Москву пришлось устроить революцию, в результате которой компания приобрела современное название, а коллективная собственность на средства производства стала частной». Сергей Киселев, Сергей Попов и Игорь Шварцман стали совладельцами-партнерами, все остальные – работниками. «Сейчас в этом нет ничего особенного, но тогда в команде пробежала искра напряжения» – вспоминает Игорь Шварцман. Команда разделилась, Сергей Попов и еще несколько архитекторов вскоре открыли собственные мастерские.

Общение с Сидни Гилбертом не ограничилось стажировкой. Вскоре архитекторы заключили договор, и американский коллега стал рекомендовать их бюро компаниям Старого и Нового Света, которые в начале 1990-х начали основывать свои представительства в России. Интерьеры офисов, сделанные архитекторами СКИП для этих компаний, стали хорошим стартом и в смысле заработка, и в смысле опыта.

СКИП, таким образом, оказывается одним из первых бюро, пошедших в 1990-е путем обучения у иностранцев – впрочем, не они первые и не они последние восстанавливали недостающий опыт, это любимый русский путь. Однако в атмосфере мастерской не ощущается сугубого американизма, чересчур жестких правил. Здесь нет слишком сложных форматов учета и планирования, все рационально, просто и кажется результатом не штудирования пособий по предпринимательству, а собственных размышлений, анализа накопленного человеческого и профессионального опыта.

Строительство мастерской

История строительства архитекторами собственного офиса – не поиска, не аренды, а строительства собственного «дома», как они его и называли, – хорошо известна. Договорившись с инвестором и владельцем участка, они спроектировали здание в 5-м Монетчиковском переулке (и сделали еще несколько проектов) бесплатно в счет будущей собственности. Как это нередко бывает, собственность затем долго была под угрозой – происходили какие-то суды, разбирательства, но инвестор свое слово сдержал, и с 1996 года СКИП поселились в дворовом корпусе под дугообразной крышей.

Все, кто в том здании были, наверное поймут: было в этой истории нечто большее, а именно – идея дома, которую СКИП связывали с собственным помещением. Есть и еще один важный образ в этой истории. Целенаправленное обустройство собственного офиса выглядит отпечатком другой, менее уловимой в пластическом смысле истории – выстраивания мастерской, команды, «собственного дела». Компания – с ее структурой, принципами, репутацией, – была, наверное, самым сложным и длительным проектом Сергея Киселева и Игоря Шварцмана, их главной работой, сделанной просто и надежно, как и все остальное.

Later on Sergey Kisselev recollected: "In New-York we told Sydney about the messianic role of an architect and he listened to us silently with a polite smile. In fact, we saw in his and other architectural bureaus that architecture was a way of earning money, and good architecture – of large money... Anyway after return to Moscow we had to make revolution as a result of which the company acquired its present name, while the collective property to the means of production became private." So, Sergey Kisselev, Sergey Popov and Igor Shvartsman became co-owners and co-partners and all others – the employees. "Now we see nothing special about this, but that time the spark of stress ran in the team," Igor Shvartsman recalls. The team broke down and soon Sergey Popov and some more architects opened their own bureaus.

Acquaintance with Sydney Gilbert was not reduced to probation. Soon the architects concluded an agreement and the American colleague started recommending their bureau to companies in the Old and New World that in the early 1990s began opening their representative offices in Russia. The interiors of offices of these companies made by SK&P architects became a good start, both in terms of earnings and experience.

Therefore, SK&P became one of the first bureaus that in the 1990s went over the road of taking experience from foreigners – but, in fact, they were not the first and not the last who gained experience in this way, this was the favorite Russian way. However, there is no purely American atmosphere with its too tough rules in the bureau. They do not have too complicated accounting and planning formats, everything is rational, simple and it seems that everything is the result of not thorough study of guidebooks on enterprise, but of their own speculations, analysis of the professional experience and experience accumulated by mankind.

После смерти Сергея Киселева здание мастерской пришлось оставить, переехав в съемный офис во 2-м Спасоналивковском, в гигантском позднесоветском здании. Но архитекторы перенесли с собой внутренний дух того места, которое обживали пятнадцать лет и которое им удалось сделать своим.

Архитектура. «Сдержанный рационализм»

Сергей Киселев всегда охотно говорил об истории и устройстве компании, качестве строительства и неохотно – об архитектурной форме. На эту тему от него можно было добиться, и то после долгих расспросов, трех вещей: «не считаю разумным стилизовать классику»; «нас учили, что архитектура должна быть на раз-два». И еще: «у меня, скорее, рациональный склад ума, слова «я так вижу» для меня не являются аргументом. Если архитектор не умеет объяснить, почему у него там красное, а здесь – зеленое, мы не сработаемся. Постепенно в компании остались люди, которые согласны с таким образом мыслей».

С одной стороны, эту позицию можно объяснить в духе нежелания «строить себе памятник за чужие деньги». Архитектура SKiP никогда не страдала излишествами, что, надо сказать, всегда было признаком вкуса, а на фоне разухабистых стилизаций 1990-х сразу же стало заметной художественной программой, быстро заслужившей любовь критиков.

Одна из частных задач SKiP, превратившаяся в визитную карточку – это знаменитая способность «понять в буквальном смысле желание заказчика получить как можно больше квадратных метров». Впрочем, решая такие задачи, архитекторы всегда оставались в рамках закона, убеждения и главное – приличий, сосредотачиваясь не на возможностях влияния, а на работе ума: стоит сравнить Эрмитаж-плаза с замороженным скелетом гигантского донстроевского здания рядом с ним. Здание на Зубовском бульваре стало героем и любимцем конца 1990-х – а ведь оно превысило городские ограничения, существовавшие для его участка, в несколько раз. Дом в Чистом переулке так и вовсе был реконструкцией существующего здания – а его площадь увеличилась почти вдвое. Помимо безусловно успешной и фирменной бизнес-стратегии в описанном умении есть еще одно – аналитическая работа ума, постановка и решение сложных задач на грани город-инвестор. Архитектурная форма – важная часть этой работы, но никогда не самоцель.

В портфолио SKiP много решенных задач: участки, прорезанные множеством коммуникаций, со сложной гидрогеологией и прочим, усугубленные требованиями визуального анализа, высотными ограничениями и протестами местных жителей. Но все это прагматика, архитекторы идут дальше – ставят сложные задачи сами перед собой. Проектируя офисный центр в Севастополе, придумывают для города новую улицу, ведущую к морю, и кусочек общественного пространства с иными по отношению к окружающему свойствам – вариант открытого пассажа, фрагмент «нового» города со всеми признаками старого. Для конкурса на

Construction of office

The history of construction by architects of their own office – not search, not lease, but construction of their own “house” as they call it – is well known. Having made necessary arrangements with the investor and site owner they designed a building in the 5th Monetchikov pereulok (and they made several projects) without any money on account of their future property. As it often happens, the property was under threat for a long time – there were some court hearings, examinations, but the investor kept its word and in 1996 SK&P moved to the building under an arched roof in the yard.

Everybody who visited this building will understand: there was something more in this story, i.e. the idea of a home that SK&P connected with their own premises. There is one more important image having relation to this story. The purposeful arrangement of its own office seems the imprint of other, less perceptible in plastic terms story – creation of the bureau, team, “own business”. The company with its structure, principles and reputation was, perhaps, the most complex and long-time project of Sergey Kisselev and Igor Shvartsman, their principal work made simply and reliably as all the rest.

After the death of Sergey Kisselev they have to leave this building and move to the rented office in the giant late-Soviet building in the 2nd Spasonalivkovsky pereulok. But architects brought with them the spirit of the place where they lived for fifteen years and that became dear to them.

Architecture. “Restrained rationalism”

Sergey Kisselev always willingly spoke about the history and organization of the company, the quality of construction, but quite unwillingly about the architectural form. Regarding this theme one could draw out of him, and this is after long and insistent inquiry, only three things: “I don’t think wise to stylize classics”, “we were taught that architecture should not be something as ABC” and “I have a rational way of thinking and the words like “I see in this way” are not argument for me. If an architect is unable to explain why he has red there and green here we will not be able to work together. And with time on, only those people who supported such way of thinking remained in the company.”

On the other hand, such position may be explained keeping in mind his unwillingness “to construct a monument to himself on others money”. The SK&P architecture was never fraught with extravagances which was always a sign of good taste and compared to rollicking stylizations of the 1990s it became at once the noticeable art program that won love of many critics rather quickly.

One of the particular tasks of SK&P that became its visiting card was the famous capacity “to understand the urge of a customer to get as many square meters as possible”. But in coping with such tasks the architects always remained within the frame of the law, credo and what is most important – decency concentrating not on the possibilities to influence, but on the work of mind: here it would be appropriate to compare the Hermitage Plaza with a frozen skeleton of a giant “Donstroy” building nearby. The building in the Zubovsky Boulevard became the hero and pet of the late 1990s, but it exceeded several times the requirements

превращение промзоны в поселок предлагают сэкономить на вывозе строительного мусора, использовав его для создания искусственного рельефа. Поселок на крутом склоне горы над морем проектируют так, что каждый житель имеет шанс почувствовать себя наедине с ландшафтом, но зато паркует машины неожиданным образом на крыше дома, а не в подвале, как все привыкли. Решение задач становится стержнем архитектурной практики, и в этом, определенно, одна из особенностей СКИП, заложенная в «генетический код» бюро его основателями.

Архитектура. Разнообразие

«Один очень известный архитектор недавно сказал: слежу очень внимательно за вашими проектами – все они очень разные, нет единого почерка» – рассказывает Игорь Шварцман.

Разнообразие в рамках профессионализма стало особенностью СКИП. Хорошо это или плохо – это еще как посмотреть. В компанию охотно приходят работать, иногда – уже сработавшиеся команды со своими принципами. Творческие способности здесь не подавляют, а находят им применение. Возможно, разнообразие стало основой устойчивости компании, как природное разнообразие становится основой для выживания видов, во всяком случае, в это хочется верить.

Другой аспект той же темы – способность при необходимости то специализироваться, то, наоборот, браться за проекты, казалось бы, нехарактерные и успешно справляться с ними. Это качество тоже происходит из 1990-х, когда СКИП занимались одновременно офисными интерьерами, градостроительством (сделали проект развития района «Мосфильмовский»), реставрацией и реконструкцией (на самом высоком уровне: работы по реконструкции кремлевского Сената, или «корпуса №1» для резиденции президента), а также строили то, на чем позднее специализировались: новые здания в центре города и на окраинах.

Отсюда происходят неожиданные элементы портфолио, такие как, например, «московский дом Деда Мороза», деревянный теремок со стеклянным шатром и стеклянной же «бочкой». Домик придумал Юрий Лужков, чтобы принять ряженого Деда из Устюга, проект сделан по просьбе «руководства Москомархитектуры», позднее в нем помещился ресторан. Вроде бы – кич, забыть о нем, но вот одна деталь: проектом занимался Николай Белоусов, который тогда работал в СКИП, именно здесь он профессионально заинтересовался деревом и сейчас стал одним из главных мастеров деревянной архитектуры.

Из того же нетипичного ряда дом Ильи Уткина в Большом Лёвшинском переулке: редкий экспонат современной московской классики – его показывают туристам на экскурсиях, пока единственный городской дом, построенный прекрасным рисовальщиком и убежденным приверженцем классики, «бывшим бумажным». Уткин нарисовал этот дом, а СКИП спроектировали, взяв на себя эту сложную и неблагодарную часть работы. Однако «вкрапление» не выглядит чужеродным, хотя в СКИП и утверждают, что другого такого делать не будут, но как всякое исключение, он прекрасно оттеняет сумму основных принципов архитектурной компании.

to the height of buildings in this area. The house in the Chisty pereulok was simply reconstruction of the existing building – and its area was nearly doubled. Apart from the undoubtedly successful and branded business strategy there is one more thing in the described skills – analytical work of mind, formulation and resolution of complicated tasks in the frame city – investor. The architectural form is an important part of this work, but it was never an end in itself.

The SK&P portfolio contains many accomplished tasks: sites cut by numerous communications, with complicated hydrogeological and other conditions aggravated by the requirements of visual analysis, height restrictions and protests of local inhabitants. But all these are practical aspects, but the architects go further posing more complex tasks for themselves. Designing an office center in Sevastopol they contrived a new street for the city leading

to the sea and some small public space with other, compared to the surroundings, properties – a kind of an open shopping arcade, a fragment of the “new” city with all features of the old one. For the competition on turning an industrial zone into a settlement they offered to save money on evacuation of construction debris using it for creation of artificial relief. A settlement on a steep mountain slope over the sea they design so that each inhabitant has a chance to remain face-to-face with landscape, at the same time parking its car quite unexpectedly on the roof of a house, and not in the basement as we get used to. Solution of such problems becomes the stem of architectural practice and this is one of the specific features of SK&P laid down into the “genetic code” by its founders.

Architecture. Diversity

“One very famous architect has said: I keep an eye on your projects – all they are different, there is no single manner,” tells Igor Shvartsman.

Diversity and professionalism are specific features about SK&P. Whether it is good or bad is a matter of discretion. Sometimes already established teams with their own principles come willing to work in the company. The creative abilities are not inhibited here, but put to use. Perhaps, diversity made the basis of the company as diversity in nature becomes the basis for survival of species, in any case, we want to believe this.

Архитектура. Узнаваемое

За 20 лет в московской архитектуре сменилось несколько направлений, и всякий раз СКИП не оставались в стороне, пробовали все, но предлагали свой вариант прочтения.

Хай-тек получался спокойным, больше стеклянным, чем металлическим; деконструкция локальной: в одном небольшом проекте фасад окружили подобием строительных лесов. Роднее всего оказался неоконструктивизм, простая пластика штукатурной стены, кое-где дополненная нехарактерным для прообраза овалом – любимой формой Сергея Киселева. Овальный дом, овальная башня в реконструкции здания Центрального Телеграфа, овальный контур Миракс-плаза и заостренно-яйцевидный план разноцветной башни «Авангард»: любимая форма эволюционирует, но не исчезает. Родственник овала – дуга, постоянно его сопровождает, становясь то контуром тимпана, как в 5-м Монетчиковском, то обручами, которые энергичными ребрами охватывают здания.

Интереснее всего – собственный вариант постмодернизма, разработанный в СКИП не без деятельного участия Сергея Скуратова с его ранними романтическими опытами. Сразу надо оговориться: это не вполне постмодернизм, тот предполагает иронию, здесь ее место заняла тонкая лирическая задумчивость; и мотивация стала другой – классические мотивы были обоснованы контекстом, но, впрочем, никогда только им. Это локальное, но прижившееся в СКИП направление в чем-то сродни не постмодернизму, а предшествовавшим ему поискам классического начала в модернизме 1970-х: правда, здесь строгие и миниатюрные пилонады, как правило, оказывались на самом верху здания, также как и вершина образа – обобщенное подобие храма Ники Аптерос на скале Афинского Акрополя. Чистая, без стилизации, нота классики свободно и неконфликтно сочеталась с хайтеком, деконструкцией и – опять же – овалом, который, эволюционировав, превратился в дугу-обруч, охватывающий здание. Получалось нежно и легко, ни один критик не посмел осудить этот вариант прирученного «постмодерна» – напротив, он где-то стал ключом к освоению исторического центра. Тема продержалась удивительно долго – в конкурсном проекте 2011 года для Красного Октября и в жилом квартале в Хамовниках можно почувствовать ее отголоски.

The other aspect of this subject is the ability to specialize in something or, on the contrary, to take untypical projects and accomplish them successfully. This quality also originates from the 1990s when SK&P was dealing simultaneously with office interiors, town planning (project on development of Mosfilmovsky area), restoration and reconstruction (at the highest level: reconstruction of Kremlin Senate or Building No. 1 – President's residence) and also construction that later on became its main specialization: new buildings in the center of Moscow and in the margins.

This is the reason why unexpected elements occur in the portfolio, for example, "Moscow house for Father Christmas", wooden house with a glass tent and a glass "barrel". This house was suggested by Yuri Luzhkov to welcome Father Frost from Ustyug. The project was prepared on the request of the "leadership of Moskomarkhitectura". Later on a restaurant was opened here. This is kitch and one should forget about it, but there is one detail: this project was developed by Nikolay Belousov who worked then in SK&P. It was that time that he became interested professionally in woodworking and now he is one of the top specialists on wooden architecture.

Among untypical projects there is also the house of Ilya Utkin in the Liovshinsky pereulok: a rare exhibit of modern Moscow classics. It is shown to tourists during excursions. So far this is the only urban house built by wonderful graphic artist and stern follower of the classics. Utkin made a drawing of this house and SK&P prepared its design taking up this complex and ungrateful part of work. However, the "inclusion" does not look alien here, although SK&P asserts that they will not do something like this, and as any exclusion it beautifully accentuates the basic principles of the architectural company.

Architecture. Recognizable

For two decades several directions were changed in the Moscow architecture and every time SK&P was involved. They tried everything, but every time they suggested their own interpretation. Hi-tech was more peaceful, more glassy than metallic; deconstruction was local: in one small project the façade was surrounded by a kind of scaffolding. Most dear to them was neoconstructivism, a simple plastic of stucco wall supplemented in some places with the non-typical for prototype oval – the favorite form of Sergey Kisselev. The oval house, the oval tower in reconstructed building of Central Telegraph, the oval contour of Mirax Plaza and a sharp egg-like layout of the multicolored tower "Avangard": the favorite form evolves, but does not disappear. The relative of the oval – an arch is constantly visible becoming either a contour of tympan as in the 5th Monetchikov pereulok or bands embracing a building with energetic ribs.

And the most interesting is the optional postmodernism developed by SK&P with active participation of Sergey Skuratov and his early romantic experience. But it should be said outright: this is not quite postmodernism with its irony, here we have lyrical meditation; and motivation is quite different – classical motifs were substantiated by the context, but not only it. This is a local, but well-established in SK&P direction was akin not to postmodernism, but to preceding searches of classical origin in the modernism of the 1970s: but here the austere and tiny pylonades were usually in the very top of buildings as well as the top of the image – the generalized

Полихромия – очень популярный в современной архитектуре прием, и SKiP работает с ней давно и по-разному, начиная с центра Субару на Аминьевском шоссе. От крупных пятен локальных цветов русского авангарда перешли к пиксельной расцветке дома «Авангард» и к оптическим экспериментам в проекте квартала «Конфетти» в Мытищах, где, двигаясь мимо дома, прохожий мог бы наслаждаться чем-то вроде постоянно меняющейся цвет картины пуантилиста. Не обошлось и без классического, черно-белого варианта оп-арта – например, в проекте башен с контрастными шахматными фасадами на окраине Петербурга. Цвет же обозначал различие между корпусами в проекте МФК «Кронштадтский», оттенял зеленые кварталы в Новосибирске, штрихами прозрачных стекол украшал торговый центр в Химках и солнечными бликами – другой ТЦ в Южном Бутове, превращался то в тонкую штриховку, то в яркие пиксели. Но не терял насыщенности, впрочем, никогда не переходя анилиновой грани: слишком яркими цветами башни «Авангард» в Черёмушках, получившимися из-за свойств самоочищающихся минеритовых панелей, авторы были недовольны.

Наверное, главный прием, характерный для SKiP, – это крупная форма. Они, пожалуй, никогда не мельчили, начиная даже с легендарных интерьеров. В обстановке строительного бума 2000-х это качество пригодилось большому числу реконструкций промзон, по сути – проектах больших офисных или жилых кварталов по 300-400 тысяч квадратных метров. Кварталы-гиганты решались строго по методу Киселева «на раз-два»: первым аккордом была крупная форма, вторым – интересная деталь.

«Миракс-плаза» оттенил Сити прямоугольной строгостью своих небоскребов (почти нью-йоркской, вот они, американские корни) – и здесь же, на счет «два», акцент: дуга, разрезающая две башни как острым ножом по маслу. Но форма остается простой – линия сложная и не произвольная, а математически ясная. Ничего лишнего. Если же линия (и форма) усложняются, то как правило несильно и обоснованно: в основу планов каждого этажа конкурсного проекта павильона в Шанхае положен набор из пяти иероглифов, обозначающих тему каждого этажа; несимметричный абрис музея Глинки похож на чехол от виолончели.

Так что хотя форма подчинена содержанию и для SKiP, как правило, важнее решение головоломной задачи, чем пластика – тем не менее они дополняют друг друга и делают почерк неоднозначным, но узнаваемым.

Архитектура. Контекст

Среди проектов конкурса «второй Мариинки» было два московских: SKiP и «Остоженки». В одном они оказались похожи: в очень аккуратном отношении к городу. Журнал «Проект Россия» тогда написал, что петербуржцы стилизовали классику, иностранцы, каждый по-своему, проявляли свою индивидуальность, а москвичи оказались предупредительно-контекстуальны.

Речь идет об уместности, при этом не только об отношении постройки к контексту, но и шире – об адекватности и

semblance of Temple of Athena Nike in Acropolis, Athens. The pure, without stylization note of classics combined freely and without conflict with hi-tech, deconstruction and, once again, the oval that having evolved turned into an arch-band embracing the building. It was gentle and light and not a single critic dared to disapprove of this option of “tamed postmodern”, on the contrary, it became a kind of a key to development of the historical center. This theme was maintained for surprisingly long time – in the competition project of 2011 for Krasny Oktyabr and in residential quarter in Khamovniki the echo of this theme may be still felt.

Polychromy is a very popular technique in modern architecture and SK&P has been applying it for long and differently beginning from the Subaru Center on the Aminevsky automobile road. From large spots of local color of Russian avant-garde they passed to pixel coloring of house Avangard and to optical experiments in the project of quarter “Confetti” in Mytishchi where going along the house a passer-by could admire something like constantly changing color of a picture of pointillist. And they could not, but used the classical black-white alternative of op-art, for example, in the project of towers with contrast checkered facades in the outskirts of Petersburg. The color identified the buildings in the project of MFC “Kronshtadsky”, it distinguished green quarters in Novosibirsk, decorated with strokes of transparent glasses the trade center in Khimki and with sun glints – other trade center in Yuzhnoye Butovo, turned either into thin hatching or bright pixels. But still it did not lose saturation never transgressing the aniline border: the too bright colors of tower Avangard in Cheremushki received due to the properties of self-purifying minerite panels made the authors dissatisfied.

Perhaps, the main technique of SK&P is the large form. They never adhered to small forms beginning even from the legendary interiors. During the 2000s construction boom this quality was most useful: it helped not to bury themselves in numerous reconstructions of industrial zones, in fact, the projects of large office or residential quarters sizing 300-400 thousand square meters. These giant quarters were developed following strictly the Kisselev method: first – a large form and second – interesting detail.

Mirax Plaza fetched out City with rectangular austerity of its skyscrapers (nearly like in New-York – here are the American roots). And again the accent here: an arch cutting two towers like a knife – butter. But the form remains simple – the line is complex and not arbitrary, but mathematically simple. Nothing excessive. If a line (and a form) becomes more complex, this is usually not strongly and is always reasonable: the layout of each floor in the competition project of the pavilion in Shanghai is based on five hieroglyphs denoting the theme of each floor; the non-symmetric contours of the Glinka Museum remind of the jacket for cello.

So, although the form is subordinated to content and for SK&P the solution of an intricate problem is usually more important than plastic, nevertheless, they supplement each other and make the manner not identical, but recognizable.

Architecture. Context

Among the competition projects of “second Mariinka” there were two from Moscow: SK&P and “Ostozhenka”. They were similar in one thing: very considerate attitude to the city. Journal “Project

неизбыточности архитектурного решения вообще. Если же рассматривать именно постройки СКИП, то они никогда не игнорируют город и окружение – тема актуальна для всех 20 лет существования бюро.

Дело в том, что именно тогда, когда СКИП возник как архитектурная компания, или даже немногим раньше, общество, предельно уставшее от широких шагов модернизма и одновременно от социалистической экономики, захотело одновременно двух противоположных вещей: сохранить и восстановить все старое и – обогатиться за счет строительства. И вот, когда мэр Юрий Лужков на советах требует эклектики и площадными словами ругает «плоскомордие», заказчики (им так полагается) хотят получить максимум полезной площади, а эксперты, участвующие в согласованиях, ограничивают все, что только можно себе представить – в таких обстоятельствах СКИП начинает строить в центре города, тщательно избегая любезной сердцу мэра стилизации. И без контекстуальной архитектуры здесь было не обойтись.

Во многих постройках СКИП в историческом центре можно уловить отголосок концепции Александра Скокана и Андрея Гнездилова для района Остоженки. Одной из ее главных идей было восстановление исторической парцелляции владений, мысль романтическая и в целом хорошо встроена в общее тогда увлечение восстановлением старой жизни и старого города. Таким был дом в Гагаринском переулке (недалеко от Остоженки), на фасаде которого условно обозначены границы когда-то бывших здесь домов.

Реакция на окружение была собирательной: новые дома жадно впитывали рефлексы архитектуры и истории соседних зданий – как отблески цвета в солнечный день, отвечали им, состояли из них. Так вежливый человек в компании слушает, улыбается собеседнику, отвечает, подхватывает тему, становится участником разговора.

Родившись в 1990-е частью из любви к городу, частью из необходимости согласований, эта тема никуда не делась потом, – а, может быть, даже усилилась, разившись тремя направлениями, назовем их: цветная, отражающая и исчезающая архитектура. Цветная – дом «Авангард», в котором голубые панели как небо, зеленые – как листья: рефлексы усилены и превращены в крупную мозаику пикселей.

Отражающая архитектура – наверное, самый точный из ответов, сформулированный СКИП для множества согласующих инстанций. Зеркало всегда было мощным приемом – современная архитектура приспособила его для работы с пространством города: если здание надо скрыть, его надо сделать незаметным, если не прозрачным, то отражающим. Прием был опробован в стеклянных полосах дворового фасада «Эрмитаж-плаза» – «небо в полосочку» должно было стать фоном и не задавить ампириную усадьбу. Затем – в проекте двух высоких, полностью зеркальных пластин по сторонам сталинского дворца ИМЕТ РАН. В офисном центре, который уже почти достроен на месте бывшего фурнитурного завода, полужеркальные плоскости прикрывают крупные корпуса как щиты. Это совершенно другой масштаб контекстуальных пряток – такой объем не спрячешь, но можно прикрыть, добавить интригующего блеска – и здания уже вовсе не прячутся, а манят пешехода из перспективы переулков, демонстрируя не только деликатное уважение, но и легкое джентльменское превосходство над старым промышленным районом.

Russia” wrote that the Petersburg participants stylized the classic, the foreigners, each in its own way, showed individuality, while Moscow participants were considerably contextual.

Here they mean relevance, and not only of building to context, but in a broader sense – relevance and non-redundancy of the architectural solution in general. If we look at the buildings constructed by SK&P, we should note that they never ignore the city and its surroundings – the theme being the central one through all 20 years of SK&P existence.

The matter is that when SK&P appeared as an architectural company or even a little bit earlier the society, most tired of wide strides of modernism and, at the same time, of the socialist economics, was seeking simultaneously two opposite things: to maintain and restore everything old and to become rich by means of construction. And when at the meetings of the board mayor Yuri Luzhkov demands eclectic and curses severely the “flat-faced” manner the customers (and this is their right) want to get the maximum useful space, while experts taking part in approval procedures restrict everything that one can only think of – in such circumstances SK&P gets down to construction in the Moscow center carefully avoiding any stylization so dear to the major’s heart. And here one cannot do without contextual architecture.

Many constructions of SK&P in the historical center bear the traits of the concept developed by Alexander Skokan and Andrey Gnezdilov for Ostozhenka area. One of its main ideas was to restore the historical parceling of holdings – a quite romantic idea and fitting well the great interest showed that time to restoration of the old life and old city. This was the house in the Gagarinsky pereulok (not far from Ostozhenka Street) on which façade the borders of the houses once standing here in the past were marked tentatively.

The response to the surroundings was collective: the new houses greedily absorbed the reflexes of architecture and history of nearby houses – as color glints on a sunny day, responded to them, consisted of them. In the same way, a polite man in a company listens, smiles to a companion, answers, elaborates on the theme, thus, becoming a part of a conversation.

Originating in the 1990s partially due to love of the city and partially due to the necessity of approvals this theme did not disappear later – and maybe it was even amplified being broken into three directions that can be named: color, reflective and disappearing

Третий путь, «исчезающей» архитектуры, особенно популярен за городом, где контекст – это природа: дома прячутся. Прагматическая цель – как можно меньше нарушить единение человека, сбжавшего из городской суеты отдохнуть. И постройки прячутся: в склоне горы, среди сосен или между дюн.

И наконец, еще один способ тактичного присутствия в городе – не просто впитать, отразить или спрятаться, а что-то дать взамен. Самое простое, что здание может дать – красивый фасад, искру цвета в унылом районе, аккуратный серый тон среди исторических соседей или зеркало для любования старым фасадом. Сложнее – дать новую улицу, будь то новый кварталный проезд, крытый торговый пассаж, ведущий людей к их домам мимо магазинов, или уютный спуск к морю. Еще сложнее – предложить заказчику изменить условия технического задания для того, чтобы улучшить качества создаваемого пространства.

Перестроечные; американские; бизнес-ориентированные; лаконичные; прагматичные; скромные; разнообразные – более чем за 20 лет работы СКИП заслужили множество определений, некоторые из которых они придумали себе сами, а остальные – придумали для них журналисты. Эта архитектурная компания стала одним из символов новой московской архитектуры – нестыдных, хороших символов. Они не единственные – в Москве есть несколько бюро, которые хочется назвать «отцами-основателями»; которые тянут, и успешно, ниточку от 1990-х к 2010-м – терпя неудачи и трагедии, переживая кризис за кризисом – успешно и не сдаваясь, сохраняя лицо во всех смыслах, от художественного до делового. Обучаясь у иностранцев, но упорно оставаясь сами по себе и создавая собственную, узнаваемую архитектуру.

Архитектура СКИП никогда не холодна; она разумна, но не расчетлива и несет в себе отпечаток времени и человека, верного принципам, но способного меняться.

architecture. Color architecture – house Avangard with its sky-blue and leaf-green panels: reflexes are enhanced and turned into large mosaic of pixels.

Reflective architecture is, perhaps, the most accurate answer formulated by SK&P for many approval authorities. A mirror at all times was the most potent technique – modern architecture adapted it to the work with the urban space: if it is necessary to take the building off it should be made invisible, if not transparent, then reflecting. This technique was tested on glass strips of the yard façade of Hermitage Plaza – “the striped sky” should become the background and did not dominate the Empire mansion. The same technique was applied in the project of two high, completely mirror plates on the sides of the Stalin-time house of RAS Institute of Metallurgy and Material Study. In the office center that is nearly constructed in place of the former accessories plant the semi-mirror planes cover large buildings like shields. This is quite different scale of contextual “hides” – such volume is difficult to hide, but it can be covered, added some intriguing glint – and the buildings are not hiding any more, but attract the people from the perspective of small streets demonstrating not only the delicate respect, but slight gentleman-like superiority over old industrial area.

The third way of “disappearing” architecture is particularly popular in the country where the context is the surrounding nature: the houses hide out. The pragmatic purpose is to minimize the disturbance of privacy of a man who fled here from the fuss of a city. And the buildings hide out: in a mountain slope, among pines or among dunes.

And, at last, one more way “not to be insolent to the city” (also the words of Sergey Kisselev) is not simply to absorb, reflect or hide, but give something instead. The simplest thing that a building can give is a beautiful façade, a glint of color in a dull area, gray tone among historical neighbors or a mirror to admire the old façade. The most difficult thing is to give a new street, be it a new lane or a covered shopping arcade channeling people to their homes along shops or a cozy way down to the sea. It is still more difficult to ask a customer to make changes in the technical assignment to improve the quality of the created space.

Perestroika, American, business-oriented, laconic, pragmatic, modest, diverse – for two decades of its operation the Company earned many definitions some of which they contrived themselves and others were suggested by journalists. This architectural company became one of the symbols of the new Moscow architecture – good symbols, not to be ashamed of. And we are not the only ones – in Moscow there are several bureaus that can be called “the founders”, that draw successfully the line from the 1990s to the 2010s passing through failures and tragedies, suffering crisis after crisis, but all the same successful, not yielding, “keeping their face” in all senses – from artistic to business. Taking lessons from foreigners, but keeping their integrity and creating their own, recognizable architecture.

Architecture of SK&P was never cold; it is reasonable, but not prudent and bears the imprint of the time and man true to the principles, but ready for change.